

Неуклюже усевшись на унитаз, он схватил свой член и начал дергать.

— Фух, ха... черт возьми...

Сколько бы он ни дергал, вместо возбуждения он чувствовал лишь боль в руке. Только тогда Сынджун понял, что ему трудно кончить, стимулируя только переднюю часть.

— Хм, у, а...

Пальцы прошли мимо безволосого члена, отодвинули яички и направились к отверстию под ними. Анус приветствовал вторжение пальцев. Однако для удовлетворения его желаний пальцы были явно недостаточной толщины и быстроты. Сынджун вспомнил образ мужчины, которого только что видел. Его лицо, погруженное в экстаз, открыто выражало желание.

Думая о том, что это Хёнтхэ сделал его тело таким, что он поддался злему искушению, Сынджун крепко зажмурился. Образ стал еще отчетливее.

Так было и с Хёнджуном, и с мужчиной, который подвергся воздействию собаки, и со всеми, кто находился на этом этаже.

Они не скрывали своих желаний и не были связаны моральными принципами. Они просто хотели раздвинуть ягодицы как им вздумается, хотели быть испорченными и стремились к сексуальному удовольствию.

Бесчувственность к ним проистекала из страха. Психологическое отвращение к тому, что не должно было случиться, мешало ему испытывать какие-либо эмоции, глядя на них.

Наблюдая за мужчинами, подвергавшимися воздействию собаки, он на мгновение вспомнил ощущения и образы из прошлого. Его желание считать, чтобы оставаться человеком, проиграло желанию достичь оргазма. В тот момент, когда он вспомнил ноющее ощущение сзади и чувство вчерашнего оргазма, Сынджун кончил.

Вытирая сперму с руки, его тело дрожало от раскаяния.

Даже под гипнозом его заставляли делать выбор, и теперь, проснувшись от гипноза, его снова заставляют выбирать. Разница лишь в том, был ли рядом Хёнтхэ, предлагая и подстрекая к выбору, или нет. Он чувствовал огромное давление.

Сынджун тщательно вытер рукой то, что было на ней, и даже после того, как мыло смылось в раковине, он продолжал мыть руки еще долгое время. Затем, не оглядываясь, он выбежал из здания компании.

Несмотря на то, что он сбежал из компании, не отработав полный день, никто ему не позвонил. На следующий день, когда он пришел на работу, никто не допрашивал Сынджуна. Было неясно, заметил ли кто-нибудь, что он ушел посреди дня. Сотрудники на стойке регистрации взглянули на входящего Сынджуна, а затем снова сосредоточились на своих делах. Чувствуя себя неловко и думая, что, возможно, он зря беспокоился, он смущенно улыбнулся.

Тайно нервничая из-за того, какой извращенный эксперимент будет проводиться сегодня, он спустился в подвал. Как только он спустился, ему сказали, что результаты тестов еще не готовы должным образом, и что сегодня он может просто убить время и идти домой. Таким

образом, через 10 минут после прихода на работу у Сынджуна не осталось никаких дел.

У него не было желания, как вчера, исследовать компанию и сталкиваться с местами, где происходили странные вещи. Когда он находился там, он чувствовал, что его рассудок слегка нарушается. Внезапно ему вспомнился образ Хёнджуна, которого насильовали монстры с щупальцами. Больше, чем его развратный вид, его беспокоило, действительно ли нормально подвергаться таким вещам.

Он даже подумывал о том, чтобы подняться наверх, тайно заснять эти извращенные действия, а затем сообщить о них.

Интересно, можно ли так сделать?

Было неясно, по какой статье следует подавать заявление. Сложно было сказать, что что-то вставляли насильно, поскольку все, казалось, с энтузиазмом наслаждались сексом. Скорее, было бы более надежно собрать доказательства извращенных действий, которые Хёнтхэ совершил над ним насильно. Сынджун стоял перед лестницей, переминаясь с ноги на ногу, а затем зашел в кафе прямо рядом с компанией.

Это было обычное кафе. Кафе с чистым интерьером, где хорошо проникал солнечный свет и приятно пахло жареным кофе. Это был мир, резко контрастирующий с тем, где люди до сих пор занимались сексом полуголыми в мрачных помещениях. Это было место, где все занимались своими делами и проводили мирное время. Заказав напиток и усевшись, Сынджун был охвачен беспокойством о том, уместно ли ему находиться здесь.

Его беспокоило нечто совершенно иное, чем просто прогул рабочего времени. Ему было неловко даже сидеть на стуле таким образом, и все эти человеческие действия казались странными. Хотя он не помнил этого ясно, Сынджун почти месяц ползал и вел себя как собака. Хотя в середине был перерыв, недавно, когда он снова начал получать сексуальную стимуляцию, эти привычки внезапно проявились. Однажды укоренившуюся в теле рутину трудно было стряхнуть. Пока он беспокоился, время быстро пролетело, и рабочий день давно закончился. Пока на холодном стакане с напитком скапливался конденсат, смачивая стол, Сынджун ничего не делал.

Он был немного ошеломлен тем, что делать дальше. Только когда стемнело, Сынджун вернулся домой и пообещал себе. Он решил больше никогда не прогуливать работу. Убеждая себя, что причиной его беспокойства было то, что он ушел из здания без предупреждения, он подбадривал себя, что с завтрашнего дня будет усердно работать.

Хотя ему не нравился Хёнтхэ, а изменившийся Хёнджун казался странным, он не мог действовать безрассудно, потому что это была работа, за которую ему платили. Так должно было быть.

После этого было проведено еще несколько мелких экспериментов, связанных со стимуляцией. Это были тесты на чувствительность сосков и другие эксперименты, связанные с эрогенными зонами. Строго соблюдался принцип, что эксперименты никогда не проводятся два дня подряд. Это было из-за довольно разумной причины, что тело субъекта не должно перенапрягаться. Беспокоился только Сынджун. Его тело, приученное к ежедневному спариванию с роботом-собакой, жаждало не просто кратковременной стимуляции, а секса, который превратил бы его в грязный беспорядок на весь день. В итоге через десять дней после начала работы в компании Сынджун начал трогать свое тело.

Мастурбация пальцами была недостаточной для удовлетворения тела Сынджуна. Когда он осознал этот факт, его руки задрожали. Основной рутинной стало возвращение домой сразу после работы, раздевание и погружение в грязные фантазии. Трогая разные части своего тела, он в конечном итоге доходил до состояния, когда хотел, чтобы кто-то наполнил его, и часто поднимал ягодицы вверх.

Это был одиннадцатый день с тех пор, как он начал работать в компании. Наконец, словно завершив что-то, мужчина не мог скрыть своего волнения, произнося все виды похвал Сынджуну.

— Наконец-то готов продукт для таких привередливых людей, как вы, Сынджун. Разве это не удивительно? Завершить новый проект всего за десять дней... Конечно, вы пришли как раз в то время, когда мы закончили последнюю стадию того, что уже исследовали. Пожалуйста, попробуйте его. Поскольку он создан на основе ваших реакций, мне очень любопытно услышать ваш отзыв.

С выражением лица, которое говорило, что он не понимает, почему тот так взволнован, Сынджун пропустил объяснения мимо ушей. Его интересовало только одно. Будет ли сегодня что-то, что заполнит его сзади, или нет. Это всё.

Мужчина долго объяснял, какие обновления были сделаны и какие материалы использовались, а затем проводил Сынджуна на второй этаж. Все выглядело точно так же, как когда он посещал его в первый раз. Коридор был настолько тихим, что невозможно было заподозрить, что внутри происходят невероятные вещи.

— Так... комната, которую вы будете тестировать, Сынджун, находится здесь, в этой стороне.

Когда он аутентифицировался в системе, дверь открылась. Просто смотреть на внутреннюю часть из коридора и фактически входить внутрь - это было совершенно разное ощущение, и он не мог скрыть небольшую дрожь. Внутри была только одна конструкция примерно высотой с гимнастического козла. Сынджун огляделся вокруг, удивленный тем, что это совершенно не соответствовало тому, что было подробно объяснено только что.

— А, садитесь туда. Это должно подняться снизу.

Мужчина вышел и привез что-то покрытое тканью. По гладкому способу, которым оно въехало, можно было предположить, что это предмет на колесах. Глядя на это с наполовину страхом, наполовину любопытством, Сынджун заметил, что мужчина ухмыльнулся.

— Для меня было настоящей честью встретить такой течный анус, как у вас, Сынджун.

Думая, что этот человек должен определиться, хочет ли он быть вежливым или грубым, Сынджун слегка нахмурился. Мужчина снял ткань, раскрывая свой шедевр, и потребовал, чтобы Сынджун стал его тестировщиком.

Предметом гордости мужчины была машина в форме лошади с плавными линиями. В прошлый раз робот-собака имела дизайн, по которому сразу можно было определить, что это робот. Однако эта лошадь была настолько замысловатой, что если бы не колеса на копытах, ее можно было бы принять за настоящую лошадь.

— Ну, тогда, не раздеться ли вам?

Сынджун разделся без колебаний и возражений. Обнажился его безволосый, гладкий член.

Неужели я буду делать это с этой лошастью?

Два противоречивых взгляда боролись друг с другом: мысль, что это неправильно, и мысль, что это всего лишь машина, просто имеющая такую форму, так какая разница? Мужчина приказал ему подняться на конструкцию, похожую на козла, и раздвинуть ноги. Сынджун, обнаженный, взобрался на конструкцию. Убедившись, что он держит свои бедра и раздвигает ноги, мужчина нажал кнопку питания. Робот издал жужжащий звук и распознал Сынджуна.

Когда процесс идентификации партнера для спаривания завершился, лошадь лизнула между ног Сынджуна своим длинным языком. Когда силиконовый язык, покрытый влажной жидкостью, обвил его яички и ствол, Сынджун крепко прикусил губу, пытаясь сдержать звуки. Несмотря на то, что он разделся уже наполовину возбужденным, было стыдно, что кто-то смотрит.

Поскольку Сынджун продолжал тревожно переводить взгляд между собой и лошастью, мужчина вышел из комнаты, попросив его тщательно написать отзыв. Теперь они остались в комнате наедине с лошастью.

— Ха... э, уух...

Пока Сынджун наслаждался ласками языка, его взгляд привлёк возбужденный член лошади. Он был несравнимо толще и больше, чем у собаки. Более того, его ярко-красная поверхность с выступающими венами была крайне отвратительной.

Это действительно войдет в меня?

Одна мысль об этом была настолько пугающей, что его руки, державшие бедра, начали дрожать. Проблема заключалась в том, что это был не просто страх физического повреждения или телесного благополучия. Он почувствовал любопытство, какое удовольствие он мог бы испытать, будучи наполненным этим уродом, даже ценой потери своей человечности. Его грызло чувство страха, что если он примет член лошади, то уже никогда не сможет вернуться к тому, кем был до этого.

Однако он не знал, как остановить лошадь, которая уже была включена. Мужчина, включивший ее с помощью пульта, ушел, забрав пульт с собой. Пока он размышлял обо всем этом, лошадь подняла свое тело и терлась своим членом о нижнюю часть Сынджуна. Будучи, вероятно, прототипом, она не могла сразу найти отверстие и продолжала совершать тщетные попытки, тыкая головкой члена в его бедра.

<http://bllate.org/book/14119/1241736>